

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИВАРИАНТНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

У статті розглянуто актуальні проблеми конструювання історичного процесу. Звернено увагу на методологічні аспекти багатоваріативного історичного пояснення, що дає можливість вирішити проблему пошуку адекватних концептів для моделювання історичного процесу. Автор порушує проблему умовного способу в пізнанні історій як одного з проявів багатоваріативності її розвитку.

Ключові слова: *варіант, варіативність, альтернатива, конструювання, модель, моделювання, історичний процес.*

In the given article the author examines the modern problems of historical process' construction. Attention is paid on methodological aspects of variant historical explanation that gives the possibility of solving problem of search for adequate concepts for modeling historical process. The author emphasizes the problem of subjunctive mood in history cognition as one of displays of polivariation of its development.

Keywords: *variant, variation, alternative, construction, model, modulation, historical process.*

Актуальность данной проблемы определяется особенностями развития и совершенствования методологии социального познания. Сегодня уже стало фактом нашего культурного самосознания, что на один и тот же социальный процесс или историческое событие можно смотреть с разных точек зрения.

Сложившееся положение во многом обусловлено современным состоянием теоретико-методологической разработанности вопроса о монизме и плюрализме. Представители монистического подхода исходят из признания господства в исторической реальности и в ее познании монизма (исходным принципом социальной философии марксизма является материалистический монизм). Сторонники второго подхода акцентируют внимание на доминировании плюрализма.

В историческом развитии взаимодействуют факторы как «монистические», так и «плюралистические». Однако использование только монизма либо дуализма и плюрализма в процессе исторического познания оказывается недостаточным для решения назревших гносеологических проблем.

В поисках концептуальных оснований исторического процесса исследователи сосредотачивают внимание на гносеологических аспектах своей науки, и, начиная с XIX–XX веков, история уже стремится «познать саму себя». Поэтому возникает потребность в анализе логических и методологических оснований исторического познания. Это дает возможность решить, с одной стороны, «старую проблему», связанную с принципиальной возможностью познания прошлого и конструирования будущего, а с другой стороны – проблему поиска адекватных концептов для конструирования исторического процесса.

В рамках такого конструирования исследователю необходимо систематизировать объект своего познания, уточнить основные понятия и познавательные структуры, обосновать адекватные методологические основания понимания исторической действительности. Это делает возможным, в конечном итоге, построение поливариантной модели исторического описания с использованием концептуального аппарата и методов современной философии истории.

Несмотря на то, что сегодня подход альтернативного развития истории продолжает вызывать споры, изучению феномена поливариантности посвящены научные работы российских ученых Г. С. Померанца [1], Б. Г. Могильницкого [2; 3], И. Д. Ковальченко [4] (ученый рассматривает онтологический и гносеологический аспекты альтернативности в историческом развитии), В. В. Балахонского [5], Л. И. Бородкина [6; 7]. Названные авторы при конструировании и анализе возможного хода развития событий используют объяснительно-моделирующую вариативность.

И. Е. Забелина, Е. Топольский, К. В. Хвостова, Л. Б. Алаев, И. К. Пантин и другие лишь констатировали наличие проблемы выбора и альтернативности в историческом развитии. И. В. Бестужев-Лада, П. В. Волобуев, Б. Г. Могильницкий, Ю. А. Поляков пытались подвести под изучение «альтернативных» вариантов теоретическую базу.

К числу новейших исследований по контрфактическому моделированию относятся работы современных российских авторов: С. А. Экштута [8], М. Ю. Парамонова [9], Б. Хазанова [10], А. П. Назаретяна [11], И. В. Бестужева-Лады [12] и др. Метод «если бы» применялся, в частности, в работах М. Вебера, З. Бжежинского, А. И. Солженицина, А. Тойнби.

В настоящее время в отечественной науке нет специальных исследований, посвященных анализу теоретико-методологических проблем альтернативности или развернутой характеристике конкретных общественно-исторических альтернативных ситуаций. Однако некоторые украинские ученые (М. Попович) допускают возможность применения сослагательного наклонения для познания исторического процесса.

Рассмотрением широкого круга методологических проблем моделирования в исторических исследованиях занимались представители клиометрического позитивизма – Эммануэль Ле Руа Ладжори, Пьер Шоню, Франсуа Фюре (Франция), И. Д. Ковальченко, К. В. Хвостова, Г. Г. Малинецкий (Россия), Т. Рабб (США), которые применяли математические методы в историческом познании, в 90-х годах И. М. Савельева, А. В. Полетаев.

Над методологической проблематикой, значимой при моделировании исторического процесса, активно работали, в частности при исследовании таких понятий, как «ситуация», «случайность», «состояние», «факт», «событие», «процесс», «изменение», такие ученые, как А. Л. Витгенштейн, Г. фон Вригт, Д. П. Горский, Д. Даути, И. А. Гобозов, Д. Клиффорд, Ю. Б. Молчанов, И. С. Нарский, В. В. Попов, А. Уайтхед и др.

В процессе методологического поиска возникла идея многомерного подхода к

самой социально-исторической реальности и ее познанию. Этот подход обосновывают российские ученые М. Я. Ковальзон, В. Ж. Келле, Н. И. Смоленский, И. А. Гобозов, которые признают необходимость дополнить материалистическую теорию новыми подходами в социально-философском познании.

Выдвижению идеи многомерности применительно к социальному знанию способствовало обсуждение принципов системного подхода, в котором уже ощущается признание «объемности» общества как некоего социального пространства, где живет и действует человек, а также ряда новых концептуальных построений. Стали развиваться концепции вариативности исторического процесса. Признавалась возможность исторических альтернатив и разных направлений развития истории, учитывающих разнообразие культур и цивилизаций. В этом контексте написаны работы Л. И. Бородкина, Э. Ласло [13], Г. Г. Малинецкого [14], С. П. Капицы, Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова [15], И. Пригожина и И. Стенгерса, которые используют для анализа исторических явлений синергетику, позволяющую преодолеть ограниченность классических подходов в философии истории, сочетая идею эволюционизма с идеей многовариативности исторического процесса. Среди украинских ученых, использующих синергетику для раскрытия сущности, содержания и особенности трансформационных процессов, направленности исторического развития, можно назвать Л. Д. Бевзенко, И. С. Добронравова, В. С. Билоус, О. Г. Овезгельдиева.

С. А. Гомаюнов полагает, что современное научное сообщество широко демонстрирует все большую приверженность к нелинейному (синергетическому) стилю мышления. В рамках классической науки царствовали принципы детерминизма, случайность считалась второстепенным фактором, не оставляющим следа в общем течении событий. Неравновесность, неустойчивость воспринимались в негативном контексте, как нечто разрушительное, сбивающее с «правильной» траектории; развитие мыслилось как безальтернативное [16, с. 100].

Единство процедур реконструирования и интерпретации, на наш взгляд, лучше всего выражено в категории «моделирование». Термином «модель» обозначают «некоторую реально существующую или мысленно представляемую систему, которая, замещая и отображая в познавательных процессах другую систему-оригинал, находится с ней в отношении сходства (подобия), благодаря чему изучение модели позволяет получить новую информацию об оригинале» [7, с. 131]. В этом определении, с точки зрения Л. И. Бородкина, заложена генетическая связь моделирования с теорией подобия, принципом аналогии. Другой аспект моделирования отражен в определении методолога М. Вартовски: «Модель является наилучшим посредником между теоретическим языком науки и здравым смыслом исследователя» [указ. соч.]. Холлингсворт и Ханнеман отмечают, что модели, используемые в историческом исследовании, не обязательно являются «законами» высокого уровня, которые выполняются в любое время и в любом месте, хотя подход к историческим данным, принятый в социальных науках, должен попытаться использовать такую стратегию.

Проблема конструирования исторического процесса имеет давнюю

философскую традицию. Еще в античности мыслители спорили о возможностях человека познать и представить историю как целое, о самой истории как некоторой целостной реальности, о познавательных процедурах при постижении истории, о структуре исторического процесса и объективности характера самой этой структуры.

В последнее время все чаще анализируются идеи о жесткой и вероятностной детерминациях, о жестко детерминированных и вероятностных системах. Утверждается, что эти два вида систем приводят к анализу структуры бытия и познания. Такие утверждения высказываются при переходе современной науки к аналитическим методам исследования сложноорганизованных систем. Новая парадигма выступает как своеобразный синтез концепции жесткой детерминации и вероятностного подхода. О значимости такого синтеза свидетельствуют авторитетные методологи науки, которые связывают познание сложных систем, познание нелинейных процессов с разработкой «стохастической динамики».

Существуют различные подходы к анализу феномена поливариантности. Один из них фиксируется в проблеме сослагательного наклонения в истории как одном из проявлений поливариантности ее развития. Существенный вклад в изучение данной проблемы внесла прошедшая в 1999 году дискуссия «История в сослагательном наклонении» [17, с. 5–85]. В европейской и американской литературе последних лет заметно интенсифицировалась дискуссия о том, является ли поиск ответов на вопросы такого рода всего лишь досужим развлечением или они все же представляют серьезный интерес для общественных наук (см. «Historically Speaking», 2004).

Исследование данного анализа началось в художественной литературе: романах и повестях российских (В. Д. Звягинцева, В. П. Некрасова, М. К. Первухина) и зарубежных (Л. Дейтона, Ф. Дика, А. Коппела, Д. Уолла, Р. Харриса, К. Клаузевица, Э. Мейера) авторов, а также в сборниках, например, «Если бы, или Переписанная история» (Нью-Йорк, 1931), «Виртуальная история» (Лондон, 1997). Однако в данных произведениях не рассматривалось содержание понятия «вариант исторического развития», не была выявлена его структура.

В западной историографии построение контрфактических имитационных (или симуляционных) моделей распространено сравнительно широко. Работы Р. Фогеля, в которых с 60-х годов разрабатывалась методология контрфактического моделирования, привлекали внимание ученых различных школ. В 1993 году Р. Фогелю и Д. Нортю была присуждена Нобелевская премия за внедрение этого подхода в исследованиях по экономической истории. И сегодня метод контрфактического моделирования вызывает споры, однако уже заметная часть исследований американских клиометристов («клиометрика» – «новая экономическая история») проводится на его основе (по мнению Р. Рэнсома). Дж. Р. Холлингсворт и Р. Ханнеман, рассматривая специфику статистических, математических и имитационных моделей, отмечают возможность использования имитационной модели историками.

Основное внимание в имитационном моделировании сконцентрировано на построении и понимании поведения модели, в то время как оценка модели и ее верификация с помощью данных являются второстепенными задачами.

Суть подобного моделирования состоит в том, что историк, исходя из той или иной идеи, имитирует конрфактическую, то есть не реальную ситуацию, строит ее модель и, сравнивая полученные конструкции с действительностью, заключает, «так» или «не так» шло историческое развитие. Следовательно, модель выступает здесь как критерий или эталон для оценки исторической реальности, то есть имеет аксиологический характер.

Здесь речь идет не о преднамеренном конструировании альтернативных исторических ситуаций, которые присущи (многим) представителям современной историографии. Такие подходы порождены совершенно определенными социально-политическими целями и основаны на субъективистских принципах методологии исторического познания.

И. Д. Ковальченко отмечает, что основной изъян конрфактического имитационного моделирования исторического развития состоит в его субъективизме. «Эти модели не характеризуют реальный или объективно допустимый ход исторического развития, а представляют его таким, каким бы его хотел видеть историк» [4, с. 424]. К оценке таких моделей вполне применим тот вывод, к которому пришел Г. В. Плеханов, рассматривая представления об историческом прогрессе Н. К. Михайловского. Ученый указывал, что формула прогресса Н. К. Михайловского «говорит не о том, как шла история, а о том, как она должна была идти, чтобы заслужить одобрение г. Михайловского» [18, с. 112–113].

Современный украинский ученый-философ М. Попович призывает забыть то, что история не знает сослагательного наклонения. Он говорит: «Досить ділити буття на майбутній час, в якому існує свобода вибору і нічого крім умовного способу немає, – і минулий час, в якому всі події щільно упаковані і пов'язані причино-наслідковими зв'язками. В храмі науки минуле, історію реконструювали як царство необхідності, але в буденній прагматичній політиці намагалися вивчати помилки попередників і, отже, в майбутньому поправляти „історичну необхідність”» [19, с. 27].

Согласимся с точкой зрения И. Д. Ковальченко, что несостоятельность вариативно-моделирующего объяснения (конрфактического моделирования), основанного на произвольном перекраивании исторической реальности, вовсе не означает невозможности применения имитационного моделирования в исторических исследованиях [4, с. 425]. Так, оно может быть эффективным средством изучения альтернативных исторических ситуаций. Здесь имитация того или иного из возможных исходов позволит более глубоко понять реальный ход исторического развития, объективный смысл и значение борьбы общественных сил за тот или иной вариант этого развития. В данном случае вариант – это наложение цели (задачи), сознательной или бессознательной, на ту или иную конкретную возможность развития. Очевидно, что набор этих возможностей не задан изначально; он меняется, увеличиваясь, расширяясь, вместе с историческим развитием общества. Естественно, изменяются и цели или задачи, которые предстоит реализовать или решать человечеству. Не исключено, что в будущем все это обернется становлением совершенно новых вариантов развития, таких, о которых мы сейчас даже не догадываемся.

Имитация альтернативной исторической ситуации всегда основывается на определенных, в той или иной мере вероятных и правомерных допущениях. Способом преодоления гипотетичности объяснения исторических событий является принцип вариативности, положенный в основу динамики объяснительной процедуры. В отличие от измерительно-отражательных моделей, в которых количественные характеристики дают реальную, а потому однозначную меру тех или иных признаков, в имитационных моделях всех типов эти характеристики являются гипотетическими и множественными. Этим обусловлена необходимость расчета разных вариантов, то есть имитация всегда является многовариантной. В имитационных альтернативных моделях, характеризующих хотя и контрфактические, но объективно возможные состояния объекта, модель строится на основе данных, характеризующих реальные состояния явлений и процессов.

Идея вариативно-моделирующего подхода в объяснении истории может в какой-то степени соотноситься с представлением Н. Я. Данилевского о социальном прогрессе как прохождении всех вариантов деятельности человечества, составляющих поприще истории.

В своей статье Г. С. Померанц справедливо отмечает, что «однозначно объяснить историческую действительность невозможно» [1, с. 55.]. Главный источник гипотетичности исторического познания он видит в тайнах личности, указывая в качестве примера на Николая II и неопределенность оценки его личности: святой или просто ограниченный человек. Возможность альтернативного осмысления истории он связывает с наличием в ней случайности. Ученый пишет: «Что было бы, если бы нос у Клеопатры оказался несколько короче? Влюбился бы в нее Антоний? Что было бы, если бы Богров промазал по Столыпину? Удержались бы большевики без Ленина? Траектории, по которым летели пули, решившие судьбу Столыпина и Ленина, не более вытекают из законов истории... и не более могут быть выведены из характеров действующих лиц, чем пролитое подсолнечное масло булгаковской Аннушки» [1, с. 58].

Однако нельзя согласиться с мнением Г. С. Померанца, связывающего понятие альтернативности истории с множественностью истин в ней [1, с. 56]. Данная позиция отождествляет истину с правдоподобием и тем самым лишает историческое объяснение объективного, истинного статуса. Все это определяет и общий характер подхода вышеупомянутого автора к проблеме альтернативности истории, который можно назвать не строго научным, а скорее художественно-публицистическим.

В исторической науке довольно мало примеров вариативного подхода к прочтению истории. Один из них привел А. Тойнби. Исходным пунктом его рассуждений явилась посылка, что Александр Македонский не умер в результате болезни, а прожил еще 36 лет, продолжая свои завоевательные походы. В результате их возникла громадная держава, включающая в себя все страны Средиземноморья и Передней Азии, Индию и Китай. Так было осуществлено политическое единство мира, которое объединялось его культурным объединением на основе модифицированного лучшими мыслителями Эллады буддизма. Пока Александр осуществлял завоевания, его министры создали совершенную систему

государственного управления, легко пережившую незначительные беспорядки, вспыхнувшие после смерти полководца, и ставшую основой последующего расцвета мировой державы, в которой гармонично слились Запад и Восток [3, с. 53].

Этот пример указывает на возможности вариативного осмысления исторического процесса, которое дает шанс глубже объяснить те или иные события прошлого. В данном примере мы получаем возможность оценить завоевания Александра Македонского с позиции метаисторического процесса, что является важной частью эксплананса объяснения его подходов. Одновременно этот пример предостерегает от произвольного конструирования возможных вариантов развития исторических событий, в чем, собственно, и состоит главный недостаток рассматриваемой модели А. Тойнби. Явная слабость позиции А. Тойнби – в ее утопизме: автор не учитывает закономерностей исторической психологии (идеализирует бескорыстие и самоотверженность трудовых усилий «мудрых министров», игнорирует сепаратистские устремления части национальных элит), не принимает во внимание сложившуюся в то время историческую ситуацию.

В рамках философии истории проблему способов конструирования и моделирования вариантов ставит И. В. Бестужев-Лада. Он выдвинул концепцию, в которой: 1) признается наличие поливариантности; 2) устанавливается, что ее изучение должно проводиться в рамках философии истории; 3) даются научно обоснованные критерии анализа «виртуальных сценариев», с помощью которых можно конструировать потенциальные варианты и избежать отождествления поливариантности с ирреальностью (критерии «реальности», «логичности», «сопоставимости сценариев», «оптимальности»). Критерий «реальности» позволяет провести рубеж между реально возможными и фантастическими допущениями; критерий «логичности» позволяет установить непротиворечивость причинно-следственных связей в их построении; критерий «сопоставимости сценариев», – между собой и исторической действительностью; критерий «оптимальности» позволяет извлекать из них уроки на будущее [12, с. 122].

Из его теории следует, что ретроальтернативистика строится по «принципу домино», то есть из причинно-следственной цепи, установленной ранее, убирается какой-либо «кубик», звено и т. д. и анализируются потенциальные последствия. При этом достоверность «созданного» варианта во многом зависит от величины и роли удаляемых из него мысленно элементов. Сам И. В. Бестужев-Лада анализирует русскую военную историю 1812 и 1941 годов, то есть работает с глобальными «кубиками».

Недостатки его концепции – неразделенность понятий «вариант» и «альтернатива», признание правомерности удаления данной проблематики из исторической науки.

Для обоснования использования нами термина «вариативность» вместо имеющегося в литературе термина «альтернативность» проанализируем их соотношение. Существуют различные трактовки понятия «альтернативность». Так, в «Логическом словаре-справочнике» и «Словаре русского языка» альтернатива определяется как каждая из двух или нескольких исключаящих друг друга

возможностей, выбор между этими возможностями. Подобное определение использует С. А. Экштут: «Любая историческая альтернатива, по определению, предполагает необходимость выбора одной из двух (или нескольких) возможностей. Процесс поиска и выбора всегда представляет собой попеременное рассмотрение взаимоисключающих возможностей (фр. *alternative* < лат. *alternus* – попеременный, *alter* – один из двух), но лишь в предельном случае осуществляется выбор одного из двух альтернативных решений, направлений, вариантов» [8, с. 79]. В «Краткой философской энциклопедии» это понятие рассматривается как «необходимость выбора между взаимоисключающими двумя возможностями» [20, с. 15]. Вторая позиция представляется нам более обоснованной в силу самой этимологии данного понятия, восходящего к латинскому *alter*, то есть один из двух. В отличие от альтернативности, термин «вариативность», вне всякого сомнения, охватывает любое число возможных вариантов.

Альтернативность подразумевает взаимоисключающий характер возможностей, но в историческом объяснении часто приходится иметь дело с возможностями, которые не исключают, а, напротив, взаимодополняют друг друга. Это дает основание считать термин «вариативность» более предпочтительным применительно к раскрытию различных возможностей объяснения истории, чем термин «альтернативность». Хотя в случаях, отражающих специфику именно альтернативности, они могут использоваться как синонимы.

Несмотря на отдельные примеры, в исторической науке метод вариативно-моделирующего объяснения не получил еще какого-либо заметного применения, что резко снижает корректность и обоснованность оценок многих исторических явлений, так как не позволяет сравнить свершившиеся события с их возможными альтернативами. Однако возможности применения метода вариативно-моделирующего объяснения в истории огромны. Практически любое научное объяснение может и должно использовать его в своем экспланансе.

Таким образом, анализ методологических аспектов вариативности исторического объяснения позволяет рассматривать ее как один из важнейших принципов построения объяснительной процедуры исторического познания. Формулировка этого методологического принципа может быть представлена в следующем виде: повышение правдоподобности исторического объяснения происходит на основе взаимосоотнесенного использования различных исследовательских концепций, подходов и приемов объяснения в рамках единой познавательной процедуры. Учет особенностей «концептуальной» вариативности позволяет ученому выбрать правильные подходы к построению процедуры объяснения, дифференцировать структуру и содержание эксплананса в соответствии с видом объясняемого явления. Имитационно-альтернативные модели могут быть эффективным средством при изучении альтернативных исторических ситуаций и при разновариантной гипотетической реконструкции исторической реальности, но при том обязательном условии, что моделируются реально имевшие место альтернативы, а не альтернативы, субъективно сконструированные исследователем. Имитационное моделирование имеет свои пределы применения, и его нельзя идеализировать и абсолютизировать.

Давыденко Э. Н. **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИВАРИАНТНОГО
КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

Литература:

1. Померанц Г. С. История в сослагательном наклонении // Вопросы философии. – 1990. – № 11.
2. Могильницкий Б. Г. Историческая альтернативность: Методологический аспект // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3.
3. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. – М., 1989.
4. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М., 2003.
5. Балахонский В. В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты. – СПб.; Пенза, 1997.
6. Бородин Л. И. История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей: Человек в истории. – М., 2000.
7. Бородин Л. И. Методология моделирования в зарубежной клиометрике: новые тенденции // Проблемы исторического познания: Международная конференция, 1996 г. – М., 1999.
8. Экиштут С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт исторического осмысления // Вопросы философии. – 2000. – № 8.
9. Парамонов М. Ю. «Несостоявшаяся история»: аргумент в споре с исторической объективностью? Заметки о книге А. Деманда и не только о ней // Одиссей: Человек в истории. – М., 1998.
10. Хазанов Б. Несостоявшаяся история, или Что было бы, если бы не было того, что было // Искусство кино. – 1999. – № 4.
11. Назаретян А. П. Знает ли история сослагательное наклонение? (мегаисторический взгляд на альтернативные модели) // Философские науки. – 2005. – № 2.
12. Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. – 1997. – № 8.
13. Ласло Э. Век бифуркации // Путь. – 1995. – № 7.
14. Малинецкий Г. Г., Капица С. П., Курдюмов С. П. Синергетика и прогнозы будущего. – М., 1997.
15. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12.
16. Гомаюнов С. А. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2.
17. Одиссей. Человек в истории. 2000 / (круглый стол «История в сослагательном наклонении»). – М.: Наука, 2000.
18. Плеханов Г. В. Сочинения. – М.; Л., 1925. – Т. VII.
19. Попович М. Червоне століття. – К., 2007.
20. Краткая философская энциклопедия. – М., 1994.